

А.М. Малолетко

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Томский государственный университет

Вот уже 200 лет вызывает неиссякаемый интерес специалистов различного профиля русское эпическое произведение «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия», как была она представлена в первом издании 1800 г. Историки, филологи, лингвисты, географы, художники, поэты и писатели, театральные деятели, композиторы были увлечены сюжетами «Слова...», и их произведения были достойны значимости самого эпоса. Но до сих пор не решены два важных вопроса самой темы. Первый связан с идентификацией р. Каяла, которая упоминается только в самом «Слове...». Нет ни одного иного источника, в котором было бы указано положение этой реки. Многократные попытки идентифицировать ее с известными ныне реками не увенчались успехом. Была даже высказана версия, что такой реки вообще не было, а для автора «Слова...» это был символ сожаления и покаяния [1]. Второй связан с уточнением этимологии некоторых гидронимов «Слова...».

В последние годы появились материалы, которые позволяют предложить новые решения этих вопросов.

Идентификация р. Каяла. Томским этнографом Г.И. Пелих [2] был собран полевой материал об обских Каяловых. Согласно их семейным легендам, Каяловы раньше (10–15 поколений до Ермака) жили «в теплых степях у теплого моря», по р. Каяла, притоку р. Самара. И всех их называли *самарами*¹, но почему-то дразнили *паджами*. Свое название р. Каяла, что значит *коромысло*, получила потому, что в среднем течении изгибалась широкой дугой. В жаркое время верховье реки пересыхало и долина превращалась в сухую балку под названием Волчий Хвост. Нижняя часть реки называлась Байбалака. К востоку от них протекала р. Глинистая, а к западу жили цыгань.

Все имена собственные и этнонимы былой родины, упоминавшиеся обскими Каяловыми, повторены в Сибири.

Байбалака – это протока нижнего Иртыша, которая, обходя его устье, впадает слева в Обь. В одном из ранних документов (от 30 июня 1692 г.) сообщалось: «...*ясаиные остяки Белогорской волости Байбалакинских юрт Томилко Каялов с товарищи*

поступились за долг свой за двадцать рублей... вотчинной земли своей от Самаровского яму вверх по Иртышу реке выше Тимошкинских юрт, а ниже Базьяновых» [4, с. 167]. В документе от 26 октября 1865 г. жители Байбалаковских юрт просили «*самаровцам воспретить, чтобы они в Байбалаковской протоке близ устья реки Иртыша заповоры для добычи рыбы весной не делали*» [4, с. 205].

В царствование Василия Шуйского (1606–1610) в низовье Иртыша жил Таир Самаров, а при Михаиле Романове (1613–1645) – Байболак Самаров [5, с. 42]. О проживании группы самаров в правобережье Оби свидетельствует надпись *Samaricqi* на карте Дж. Кантелли (1683 г., Рим).

Цыгань, соседи Каяловых в «теплых степях», ушли в Сибирь раньше Каяловых, на Иртыше основали село, которое и ныне называется Цингалово. Они оставили и другие следы в Прииртышье и Приобье. Это нас. п. Цингалово, Цыгань, юрты Цингинские, Цинганины, изба Цынганина, остров Цынгагай, три реки Цынга [6].

С приходом казаков (послеермаковское время) межэтнические отношения в нижнем Прииртышье осложнились. Выходцы с р. Каяла мигрировали на Среднюю Обь. В Нарымском Приобье, между устьями рр. Тым и Кеть Н. Спафарий, проезжавший там в 1675 г., отметил юрты Паджинские, Байбалаковское плесо, протока Паджина и юрты Паджинские [7, с. 183]. В 1841 г. недалеко от Нарыма, в юртах Конкиных, жил селькуп Павел Каялов. Еще в 30-х гг. прошлого столетия на р. Тым между юртами Пыль-Карамо и Лымбель-Карамо стояла русская деревня Каялова. Каяловы и Цингаловы/Цынгаловы и ныне живут в Томске и области.

У нас нет сомнений в том, что в памяти обских Каяловых действительно закрепились сведения о их былой родине в причерноморских степях. Поэтому их информацию можно использовать при решении вопроса о локализации р. Каяла.

Судя по преданиям Каяловых, р. Самара с притоком Байбалака+Каяла+Волчий Хвост находилась в теплых степях у теплого моря, и владения Каяловых распространялись на юг на расстоянии одного конского бега (примерно 75 км) до р. Кельчик. Исходя только из этих данных можно говорить о том, что р. Самара – это левый приток Днепра, впадающий у

¹ Коллективная кличка *самар* известна и ныне в селах Донецкой области [3, с. 259].

порогов. Слева в Самаре впадает р. Волчья. На ранних картах Северного Причерноморья (А. Пограбус, 1959 г.; В. Боплан, 1650 г.) левый приток Самары назывался Волчья вода. Вводить в гидроним географический термин *вода*, а не *река* – это польская традиция. До сих пор следами давнего польского влияния в половецких степях являются гидронимы Конская и Молочная, ранее называемые *Conscawoda* и *Molotznie wodi* соответственно [8, с. 58–65]. По «Книге Большому чертежу», между Северским Донцом и Днепром были известны рр. Вороньи воды и Овечьи воды. Представляется вполне вероятной идентификация исторической р. Каяла с нынешней р. Волчьей, которая во времена Каяловых носила три имени: Байбалака+Каяла+Волчий Хвост. Перенесение названия части реки на всю с дальнейшей потерей апеллатива – явление в топонимике обычное. Поэтому можно выстроить следующую последовательность топонимических трансформаций: Волчий Хвост → Волчьи воды → Волчья. Среднее течение Волчьей в давние времена именовалось Каяла.

Этимология. Гидроним Каяла имеет прозрачную этимологию и раскрывается из тюркского: *кая* ‘скала’ и *ла* < *лы*(г) – аффикс обладания, т.е. ‘со скалами’. Я не знаком с реалией и не знаю, насколько скалы характерны для Каялы по сравнению с Байбалакой и Волчьим Хвостом. Но наше внимание привлекла этимология Каяловых – *каяла* ‘коромысло’. В древнерусском языке такого слова не было. Поэтому возникла мысль о возможном переводе с тюркского языка на русский, тем более что название нижнего течения является тюркским: *байбалака* (< *бай балык* ‘богатая рыбой’, т.е. ‘рыбная’). В тюркских языках имеется слово **кый*- со значением ‘кривизна, искривленность’: тел., лебед., койб., шор. *кыыр* ‘кривой, вывороченный’; уйг. *кый*- ‘делать кривым, согнуть’; караим. *кый*- ‘вернуться в сторону, отклониться’; кирг. *кыйгач* ‘кривой, изогнутый’; алт. *кыйа* ‘криво’; ккалп. *кыйсык* ‘криво’ (*кыйсык аяк* ‘кривоногий’).

Можно высказать предположение, что *каяла* образована от тюркского слова **кый* со значением *кривизна*, искаженного в ходе русской адаптации и воспринятого как *коромысло* (изогнутое изделие из дерева). В русской топонимике имеются следующие параллели: Самарская лука – изгиб русла Волги и Кривляк – изгиб русла Енисея и населенный пункт в излучине. Необходимо отметить, что в волжскотюркских и казахском языках слова, обозначающие *коромысло*, фонетически сходны со словом *криво* в вышеприведенных примерах: башк. *кцэнтэ* (приблизительное написание), каз. тат. *коянтэ*, казах. *кыйехте*. Правда, В.Г. Егоров [9] выводит эти слова из чув. *кив* ‘толочь белье в ступе’ (потом пест используется как коромысло). Нам это сопоставление представляется не совсем удачным. Видимо, все-таки тюркское понятие *коромысло* исходит из его кривизны. И слово *кый* ‘криво’, очевидно, заимствовано из язы-

ка половцев, принадлежавшего кыпчакской группе тюркских языков. В дальнейшем можно предположить русское осмысление географического объекта как *кривун*, *изгиб*, *лука* с итоговым переносом на понятие *коромысло*.

Возможно, автор не рискнул поставить под сомнение очень прозрачную этимологию гидронима Каяла ‘со скалами’ (ныне Волчья), если бы не название левого притока Волчьей – Ялы, образующейся после слияния небольших рр. Мокрая Ялы и Сухая Ялы. Так и напрашивается сопоставление финали гидронима *Каялы* с названием этого притока **Ялы**. Из всех тюркских языков только в караимском удалось найти объяснение гидронима Ялы: это географический термин *ялы* ‘берег’, перешедший в имя собственное (гидроним Ялы). В итоге можно разложить русифицированный гидроним Каяла на два компонента: *кый+ялы* ‘кривой берег’ > *каяла* ‘излучина, кривун > коромысло’. Поскольку караимы являются потомками хазар, можно предположить и принадлежность термина к языкам *p*-группы (булгарский, хазарский, суварский/чувашский), почему в языках *з*-группы (все остальные тюркские языки) этот термин не встречается.

Использование термина *берег* в качестве апеллатива при образовании гидронимов известно. Такой прием известен в арийской топонимике: парья, тадж., пушту *лаб* ~ *лап* ~ *лав* ‘берег’ в топонимах Далап и Налап, Лаби-Дарйа (Афганистан), Леби-аб ‘берег реки’ – одно из названий Амударьи, Леп (Лепса) – река в системе Балхаша, тюрко-иранские гидронимы в Крыму – рр. Тереклав, Балаклава, оз. Донузлав, Лаба – река на Северном Кавказе. Можно привести пример и из тюркской топонимике. На Алтае в имени р. Кызыл-шин (Кызыл-чин) фигурирует тюркский географический термин *чиж* (*чинг/чин*) ~ *шиж* (*шинг/шин*) ‘высокий крутой берег/обрыв’.

Река Самара упоминается в литературе с XII в. На карту впервые положена С. Мюнстером (1538 г.). В.Г. Егоров [8] правильно вывел гидроним из тюркского слова **самар*: чув. *самгрл*, *самграан*, каз., кирг., узб., тур., кум., уйг. *семри*, туркм. *семре*, тат. *симер*, башк. *һимер* ‘тучнеть, жиреть, полнеть’, караим. *семир*- ‘толстеть, полнеть’ и уйг., азерб., туркм., ног., кумык., кирг., казах. *семиз*, тат. *симез*, башк. *һимез*, тув. *семис*, караим. *семизь* ‘тучный, жирный’. В древнетюркских языках слово зафиксировано в этих же формах. На памятнике Тоньюкуку (между 712 и 716 гг.), в Гадательной Книге (Irg Bitig) и произведении Qutadgu bilig Юсуфа Баласагунского (1069–1070) это *semiz* (<*semgi*-) ‘жирный, тучный’, в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) – *semgi*- ‘жиреть, полнеть’. Реалии подтверждают этимологию имени р. Самара. Еще в XVI в. Запорожье, в которое входил и бассейн Самары, славился дикими зверями, рыбой и фруктами [10] и был местом регулярных сезонных миграций кочевников. Закрепление в

топонимах высокого качества угодий – не столь редкое явление. Очевидно, р. Молочная (в прошлом Молочные воды) имела более раннее название Сют (тюрк. ‘молоко’), как и оз. Сютколь в Туве. Итиль, бывшее название Волги, означает местность, богатую молодой (зеленой) травой («изобилие, привольство и щедрость»), ср. караим. *йэшилль*, *йэсиль* ‘незрелый, зеленый (не цвет!)’, *йэтил* – ‘доходить, созревать’.

Река с именем Самара не одинока. Помимо притока Днепра известны рр. Самара: 1) левый приток Волги, 2) один из притоков Амура (Еврейская автономная область). А в «Книге большому чертежу» написано, что «*река Юрюк Самара... пала против Аралтовы горы с правые стороны*». Вряд ли названия этим рекам даны самарами, выходцами из-за

Дона, по их пути в Сибирь. Все эти реки находятся в ареале обитания тюркских племен. Даже верховье Амура (Забайкалье) 2 тыс. лет назад было заселено тюркоязычными тоба, предками современных тюркских народов, язык которых относится к 3-группе (все тюрки, кроме чувашей).

На наш взгляд, исследования Г.И. Пелих помогли положительно решить давнюю проблему идентификации р. Каяла, упоминаемой в «Слове о полку Игореве»: это р. Волчья, левый приток р. Самара, впадающей слева в р. Днепр. А среднее течение быстрой р. Каяла, на берегах которой разлучились братья Игорь и Всеволод и произошла битва с половцами, это излучина Волчьей у впадения р. Ялы или излучина против устья р. Янчул.

Литература

1. Гетманец М.Ф. Тайна реки Каялы («Слова о полку Игореве»). Харьков, 1982.
2. Пелих Г.И. Обские Каяловы о реке Каяла // *Вопр. географии Сибири*. 1995. Вып. 21.
3. Отин Е.С. Об именах и кличках, тождественных топонимам // *Этнография имен*. М., 1971.
4. Лопарев Хр. Самарово село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1899.
5. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // *Научные труды*. Т. 3. М., 1955.
6. Малолетко А.М. Сибирская Лукомория – миф или реальность? // *Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири*. Томск, 2002.
7. Спафарий Н. Сибирь и Китай. Кишинёв, 1960.
8. Кордт В. Материалы по русской картографии. Киев, 1910. Вып. 2. Газета XII.
9. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
10. Петкевич К. Казацкое государство (Неиспользованная возможность построения украинского государства в XVII веке) // *Природа и самоорганизация общества*. М., 2002